

Добрыня и змея

Ай да прежде Резань да слободой слыла,
Ай да нынцѣ да славной город стал.
Ай да в том ле Резани славном городи
А да жил-то Микитушка Романович,
А да жил-то Микитушка не старилса,
Ай среди веку Микитушка преставилса.
Вот осталасе у его да молода жона,
Вот осталасе ёна, право, беременна.
А невножко прошло да поры-времени,
Вот родила она своё да чадо милое.
Собирали тут попов, дьяков, причетников,
Окрестили её да чадо милоё,
Нарекали ему баско новое имецько —
Молодыя Добрынюшка Микитиц блад.
А ростѣт тут ле Добрыня лет до двенадцети,
Ён стал хватать приправу богатырскую,
Он сперва хватил копейцо бурзомецкоё —
Хорошо владеет удалой доброй молодец;
Он еще хватил ле палицу буёвую —
Хорошо владеет удалой доброй молодец;
Он еще хватил саблю, право, ведь вострую —
Хорошо владеет удалой доброй молодец;
Он ведь сдумал еще ехать ко синю морю.
Посмотреть ему захотелось морѣ синѣё,
Он и стал просить у матушки благословленьицо.
Он и падал ей сам во резвы ноги —
Не дават ему благословленьица.
Кабы падал Добрыня во второй након,
Уж и просит у ей благословеньица;
Он и падал, Добрыня, во третѣй након:
«Уж ты ой еси, родимая моя матушка!
Уж ты дай же мне-ка благословленьицо,
Я ведь съезжу, схожу да до синя моря».
А дават она ему благословленьицо,
А с буйной своей главы да до сырой земли,

Кабы стала она ему ноньце наказывать,
А бы стала она ему да наговаривать:
«А доедешь ты, дитя, да до синя моря,
Приюстанетца тебе, да припотеецца,
А захочетца покупатца да во синём мори.
Во синём-то мори есть три быстры струи,
А третья-то ле струя да зла-омманчива,
А да вынесёт тебя да на синё морё,
А налётит на тебя да змея лютая,
Кабы станет она тебя кругом облётывать,
А обваживать свои хоботы змеинныи.
Не боитца она копейца бурзомецкого,
Не боитца она ведь палицы буёвой,
Не берёт ее сабелька, право, вострая,
А боитца она ведь прутиков железных.
Ты сходи-ко на́перво в нову кузницу,
Уж ты скуй-ко нынцце, право, три прутика:
А первой-от прутик скуй железной же,
Да второй-от прутик нынцце менной же,
А третьей-от прутик оловянной бы».
Он пошел ле, Добрыня, нову кузницу,
Как сковал первой прутик он железной же,
А второй-от прутик ноньце менной ведь,
А третьей-от прутик оловянной же.
Ён он брал свою уздилочку точмянную,
Он пошел себе брать коня доброго.
Он заходит ведь, Добрыня, во конюшен двор,
Он берёт себе коня, право, семи цепей,
А семи цепей, семи розьвезей,
Ёбуздал-ёбседлал да коня доброго.
Он ведь стал тут, Добрыня, снаряжаться,
А-де стал-то Добрыня сподоблетися,
Он берёт 'сю приправу да молодецкую:
А сперва берёт копейцо да бурзомецкоё,
А затим берёт ле палицу буёвую,
А еще берёт саблю да, право, вострую,
А ведь взял эти с собой, право, три прутика.
Вот средилса-сподобилса да доброй молодец,
А не видели его поездки да молодецкой,

А увидели: в поли курива стоит,
Курива ле стоит да дым столбом валит.
Он ведь здраво прогонил да полё чистое,
Доежжает сам до моря до синяго,
Ён до тих крутых-баских да, право, бережков,
До жёлтых еще песков да до макарьевских.
Ён поставил свой шатёр да белобархатной,
Он насыпал пшаны да белояровой.
Захотелось ему покупатца во синём мори,
Скиновал с себя ле сам да платье цветное,
Он побрёл тут, Добрыня, во синё морё.
Кабы стретилась ему, право, перва струя,
Он ведь поплыл, Добрыня, через перву струю,
Ой да стретилось ему, право, друга струя,
О да поплыл Добрыня через другу струю.
Хорошо ему, право, да приглянулось,
Кабы поплыл Добрыня через третью струю,
А третья-то ле струя да зла-омманчива,
А да вынесла его да на синё морё,
Да стала его носить да по синю морю.
Налетела на его да змея лютая,
А да стала она кругом его облётывать,
А овваживать стала хоботы змеинья:
«Я хоцю тебя, Добрыня, нонь живком сглону,
Я хоцю тебя, Добрыня, на воды стоплю».
Побоялся он угроз, право, змеинных,
Он нырнул тут, Добрыня, да во синё морё,
Он вынировал ко своему платью цветному,
Надеват ле своё он платье цветное,
Он заходит, Добрыня, во белой шатёр.
Не юспел тут Добрыня-та ёгна добыть,
Не юспел тут Добрыня-та котла сварить —
Налетела на шатёр да змея лютая,
Говорит ище ему да змея лютая:
«Я хоцю тебя, Добрыня, на огни спалю,
Я хоцю тебя, Добрыня, во котле сварю».
Ай да эти ему реци не по разуму,
За велику ему досаду показалося,
Он хватил тут змею да за косы, право,

Он хватил свой, право, жалезной прут,
Он ведь стал тут змею, право, постёгивать,
Да стала тут змея да извívатисе:
«Ты не бей-ко, юдалой доброй молодец,
Не стегай ты меня, да змею лютую!»
Он пуще стал змею, право, похвóстывать.
Говорит-де ему да змея лютая:
«Ты не бей же меня, да змею лютую,
Уж я дам же тебе да золоту казну!»
Он и пуще стал змею, право, постегивать,
Изломал ле он нынь, право, железной прут,
Он хватил ищэ, право, да менной прут,
Ён пуще стал стегать да змею лютую,
Говорит ему змея да, право, лютая:
«Ты не бей меня, удалой доброй молодец,
Я те дам ныньце коня ищэ доброго!»
Говорит ле Добрыня змеи лютостей:
«Ты сулишь ле змея да сё омманывашь».
Изломался у его да, право, менной прут,
Он хватил ище нынь, право, оловянной прут,
Ён пуще стал стегать да змею лютую,
По-худому змея да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей же меня, да змею лютую,
Я те дам ище собя, да красную девицу!»
Он ведь пуще стал змею ище постегивать,
Оловянной прут у него не ломитсе,
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Ты сулишь ле, змея, да сё омманывашь».
Она выbleвала сперва ему золоту казну,
Она выbleвала затим да коня доброго,
Ищэ выbleвала ему да красну девицу,
А говорит ищэ змея ему, конаетца:
«Ты спусти меня, удалой доброй молодец!»
Он спустил тут змею да, право, лютую,
Собиратца стал юдалой доброй молодец,
Он сломал свой шатёр да белобархатной,
Обседлал он коней, право, добрых,
А садилса-сподобилса доброй молодец,

Он ётправилса-поехал с красной девицей,
Он нещадно повёз да золотой казны,
Он поехал ко родимой своей матушке.
Доеждяют ле они да до своя места,
До високаго нова да, право, терема.
Ювидала тут его да родна матушка:
«Кабы едёт ле моё да чадо милое,
Позади его едёт да красна девица».
Как выходит ле его да родна матушка,
А выходит она да на красно крыльцо,
А стрецяет ле Добрынюшку Микитиця,
А стрецяет ле она да красну девицу.
Как заходят они ноньце во высок терем,
Обручились, поменелись они злачны персни,
Обвенчались, сошлись они в божьей церкви.
Кабы собрали они руських богатырей,
Кабы сделали они, право, почесен пир,
Пировали-столовали трои суточки.
После того было ищэ после пира
Выводили, повалили во теплу лежню.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: май — июнь 1902 г., д. Рощинский ручей (на р. Печоре) Усть-Цилемской вол. — от Торопова Игнатия Васильевича, 69 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904. (Зап. РГО по отделению этнографии; Т. 30).